DOI 10.15826/izv2.2022.24.2.032
УДК 930.1(44) + 94(44)"1789/1799" +
+ 94(470):930

А. В. Чудинов
Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия

НЕВЗАИМНАЯ ЛЮБОВЬ: ОТНОШЕНИЯ МИШЕЛЯ ВОВЕЛЯ С СОВЕТСКИМИ И ПОСТСОВЕТСКИМИ ИСТОРИКАМИ

Автор статьи анализирует историю сложных и противоречивых отношений Мишеля Вовеля (1933–2018), выдающегося французского исследователя Революции XVIII в., с российскими историками в советское и постсоветское время. Отмечается, что, в отличие от большинства французских левых историков из окружения А. Собуля, сотрудничество с которыми являлось приоритетным для советских ученых, М. Вовель неизменно сохранял определенную дистанцию в отношении последних: он не печатал в СССР свои работы и не ездил туда на регулярные российско-французские коллоквиумы. Ситуация изменилась, только когда Вовелю после смерти Собуля пришлось стать руководителем научной программы Двухсотлетнего юбилея Французской революции. В этом качестве он и совершил свой первый визит в СССР в 1982 г. Однако, несмотря на самый теплый прием, оказанный ему советскими историками, он, как показывают его воспоминания, все равно старался держать в отношениях с ними определенную дистанцию и не слишком интересовался реальной ситуацией в советской исторической науке, ограничиваясь воспроизведением стереотипов, распространенных в зарубежной прессе. Еще меньше Вовелю понравился его приезд в СССР в год юбилея Французской революции, когда на большой конференции в Москве, проходившей в разгар перестройки, идеи левых французских историков подверглись резкой критике со стороны не только их советских коллег, но и околонаучной широкой публики. Оставшиеся от того визита в Москву негативные впечатления, видимо, были настолько сильны, что в последующие годы Вовель фактически воздерживался от сколько-нибудь активного сотрудничества с историками постсоветской России. И только встреча с довольно широким кругом их на коллоквиуме в Визиле (2006) показала Вовелю, что, несмотря на идеологические и методологические расхождения с ним, российские коллеги бесконечно далеки от доминировавшего в странах Восточной Европы воинствующего антикоммунизма и открыты для плодотворного сотрудничества с левыми историками Франции. Окончательно убедило его в этом посещение в том же году Москвы, к сожалению, оказавшееся последним.

К л ю ч е в ы е с л о в а: историография; Мишель Вовель; Французская революция; Советский Союз; Россия

Ц и т и р о в а н и е: *Чудинов А. В.* Невзаимная любовь: отношения Мишеля Вовеля с советскими и постсоветскими историками // Известия Уральского федерального

© Чудинов А. В., 2022

университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 2. С. 167–177. https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.2.032

Поступила в редакцию: 10.11.2021
Принята к печати: 16.03.2022

Alexander V. Tchoudinov
Institute of World History of the RAS
Moscow, Russia

UNREQUITED LOVE: MICHEL VOVELLE'S RELATIONS WITH SOVIET AND POST-SOVIET HISTORIANS

The author of this article analyses the history of the complex and contradictory relations of Michel Vovelle (1933–2018), an outstanding French researcher of the Revolution of the eighteenth century, with Russian historians in the Soviet and post-Soviet times. It is noted that, unlike most French left-wing historians from A. Sobul's entourage, cooperation with whom was a priority for Soviet researchers, Vovelle invariably maintained a certain distance in relation to the latter: he did not publish his works in the USSR and did not go there for regular Russian-French colloquiums. The situation changed only when Vovelle, after Sobul's death, became head of the scholarly programme of the Bicentennial of the French Revolution. In this capacity, he made his first visit to the USSR in 1982. However, despite the warmest reception given to him by Soviet historians, he, as his memoirs demonstrate, still tried to keep a certain distance in his relations with them and was not much interested in the real situation in Soviet historical science, limiting himself to reproducing stereotypes common in the foreign press. Even less did Vovelle like his arrival in the USSR in the year of the Bicentennial of the French Revolution, when at a large conference in Moscow held at the height of Perestroika, the ideas of left-wing French historians were sharply criticised not only by their Soviet colleagues but also by the general public. The negative impressions left from that visit to Moscow were apparently so strong that in subsequent years, Vovelle refrained from any active cooperation with historians of post-Soviet Russia. And only a meeting with many of them at the colloquium in Visile (2006) showed Vovelle that, despite ideological and methodological differences with him, his Russian colleagues were infinitely far from the militant anti-communism that dominated in Eastern Europe and that they were open to fruitful cooperation with left-wing historians of France. He was finally convinced of this by a visit to Moscow in the same year, which, unfortunately, turned out to be the last for him.

K e y w o r d s: historiography; Michel Vovelle; French Revolution; Soviet Union; Russia

F o r c i t a t i o n: Tchoudinov, A. V. (2022). Nevzaimnaia liubov': otnosheniia Mishelia Vovelia s sovetskimi i postsovetskimi istorikami [Unrequited Love: Michel Vovelle's Relations with Soviet and Post-Soviet Historians]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 24*(2), 167–177. https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.2.032

Submitted: 10.11.2021
Accepted: 16.03.2022

После Второй мировой войны между французскими историками Революции XVIII в., имевшими левые взгляды, и их советскими коллегами установились добрые рабочие отношения. Патриарх отечественной историографии Французской революции А. В. Гордон вспоминает: «После смерти И. В. Сталина смягчение политического режима и ослабление международной напряженности позволили советским историкам возобновить контакты с зарубежными коллегами. Эти контакты превратились в подлинное научное сотрудничество с теми западными учеными, которых на идеологическом языке эпохи называли "прогрессивными". <...> Выделение категории "прогрессивных ученых" было знаменательным прежде всего потому, что выводы этих представителей западной науки можно было приводить без идеологической критики и даже присоединяться к концептуальным положениям» [Гордон, с. 215].

В первую очередь это касалось исследователей-коммунистов из окружения выдающегося французского историка Альбера Собуля (1914–1982). Ученик последнего, Клод Мазорик, ныне сам являющийся почтенным мэтром французской историографии и имеющий огромный опыт дружеского и плодотворного взаимодействия с историками Советского Союза, вспоминает: «...Всеми этими знакомствами я был обязан своей близости к Альберу Собулю, но особенно — своей репутации историка-марксиста и общественно-политической деятельности, привлекавшими ко мне благожелательное внимание советских историков и, безусловно, академических и политических властей...» [Мазорик, с. 294]. То же самое в полной мере относилось к Марку Булуазо, Морису Домманже, другим левым историкам и, разумеется, к самому Альберу Собулю.

На этом фоне любопытным исключением выглядит ситуация Мишеля Вовеля (1933–2018), историка-коммуниста, ставшего после смерти Собуля бесспорным лидером марксистской историографии Французской революции. Защитивший в 1971 г. свою вторую диссертацию (doctorat d'État), аналог нашей докторской, Вовель уже в 1970-е гг. являлся признанным мэтром марксистской историографии, автором шести солидных монографий, в том числе фундаментального исследования об отношении к смерти в период Французской революции [Vovelle, 1976]. Однако, в отличие от других левых французских историков, его работы на русский язык не переводились и у нас в стране не издавались. А ведь тогда без участия французских авторов не обходился ни один выпуск «Французского ежегодника», однако Вовеля в их числе не было. Не приезжал он в СССР и на регулярно проводившиеся советско-французские коллоквиумы. И это при том, что он был не просто левым историком, а членом Французской коммунистической партии.

В чем причина подобной отстраненности Вовеля от, казалось бы, идеологически близкой ему советской историографии? Во всяком случае, отнюдь не в сдержанном отношении к нему со стороны советских коллег. Они-то как раз хорошо знали и уважали его труды. Так, В. М. Далин, представитель еще первого поколения советских исследователей Французской революции, фактически возглавлявший тогда «Французский ежегодник», высоко отозвался о научных

заслугах Вовеля в своей историографической работе, написанной на рубеже 1970-х и 1980-х гг.: «М. Вовель — марксист, автор ряда ценных работ по истории Великой французской революции» [Далин, с. 239, прим. 218]. Далин также положительно оценил критику Вовелем новейших попыток применения теории элит к революционной истории и сослался на него, говоря о том, что марксистские исследователи также вносят свой вклад в изучение истории ментальностей [Там же, с. 242, 254–256]. По своему опыту знаю, что труды Вовеля изучались также в спецсеминарах профессоров А. В. Адо (МГУ) и Г. С. Кучеренко (МГПИ). Иными словами, советские специалисты по истории Революции XVIII в. никоим образом не дистанцировались от французского историка.

Похоже, Мишель Вовель сам воздерживался от слишком тесных связей с ними. В мемуарах, написанных на закате лет, он, признавая, что всю жизнь хранил верность коммунистическим взглядам, тем не менее отмечал, что уже с 1960-х гг. занимал в партии особую, «еретическую» позицию [Vovelle, 2018, p. 55]. Он, правда, не пояснил, в чем состояла эта «ересь», но некоторые из его рассуждений позволяют предположить, что марксистский подход советских исследователей к истории казался ему излишне догматическим, так же как, к примеру, его другу и соратнику Мазорику. Последний в своем недавнем интервью для «Французского ежегодника» высказался об этом без обиняков: «Никто в мире из историков и в целом специалистов по общественным и гуманитарным наукам не станет сожалеть об исчезновении старой мишуры “диамата” и его производных, — этого догматического собрания идей, скорее дедуктивных, нежели концептуальных, скорее спекулятивных, нежели научных, которые с годами превратились в более или менее академическую пародию на тот критический, аналитический и прогностический подход, который Маркс принес в философию и методологию общественных наук» [см.: Чудинов, 2018, с. 419–420]. Правда, сам Вовель не высказывался на сей счет с той же откровенностью, но предложенный им в одной из своих статей подробный анализ оценок В. М. Далиным идей Ф. Броделя дает основания полагать, что он, Вовель, разделял мнение Мазорика о советской историографии как чрезмерно догматичной. Детально и в целом уважительно рассмотрев пространные рассуждения Далина о Броделе, М. Вовель пришел к печальному выводу о том, что во всем богатом и многогранном творчестве Броделя советский историк счел единственно значимыми лишь следы влияния теории К. Маркса, реальные или предполагаемые [Вовель, 2007, с. 264].

И все же, несмотря на дистанцию, которую Вовель держал в отношении советских историков, ему пришлось вступить с ними в более тесный контакт, когда после смерти Собуля в 1982 г. он стал главным координатором научных мероприятий, посвященных грядущему 200-летнему юбилею Французской революции. Именно в этом качестве ему в октябре того же 1982 года пришлось впервые в своей жизни посетить Советский Союз. Как признает он сам в автобиографической книге «Битва за Двухсотлетие Французской революции», миссия эта виделась ему крайне деликатной. Обойти стороной СССР он не мог,

так как от того, какую позицию в отношении юбилея займет советское научное руководство, зависело участие в торжествах и других социалистических стран. «При всем понимании сомнительной ситуации с правами человека за железным занавесом, — пишет Вовель, — официальный статус обязывал найти контрагентов, ответственных и в то же время свободных в выражении своих взглядов. А ведь над всем этим еще и довлело ужасное наследие былых противоречий» [Vovelle, 2017, p. 223].

Во многом то чувство настороженности и неопределенности, с которым Вовель приехал в СССР, было вызвано его слабым знанием советских реалий. Не имея ранее опыта тесного общения с советскими историками, он практически не представлял себе реальное положение дел в нашем научном сообществе. Это видно из того, что ситуацию во Франции, где традиционно процветают университетские свободы, а Академия считается синонимом официоза, он механически экстраполировал на Советский Союз: «В СССР мне, как нигде еще, требовалось противостоять гегемонии академий и официальных институтов, отстаивая место университетов и индивидуальных исследователей» [Ibid., p. 224]. Однако на деле здесь ситуация была как раз прямо противоположна французской. Академия наук всегда была в СССР главным оплотом свободомыслия в научной среде, обладая известной автономией по отношению к партийным и государственным институтам. Университеты же, напротив, находились под строгим контролем властей. А индивидуальных исследователей, которых собрался защищать Вовель, в отечественной научной среде того времени и вовсе не существовало.

Воспоминания Вовеля о его первой поездке в СССР и встречах с советскими историками скорее напоминают рассказ путешественника о посещении диковинной страны, изобилующий экзотическими подробностями, нежели деловой отчет о сугубо научной миссии, как он описывал свое пребывание в США, Англии или ФРГ. Так, профессор В. П. Смирнов первым делом ведет его в ресторан, где в честь приезда им непременно полагается выпить бутылку водки (*bouteille de vodka d'accueil est de rigueur*) [Ibid.]. Подтекст состоит в том, что для француза употребить за вечер бутылку водки — поступок крайне необычный, но ведь это Россия, где, согласно бытующим на Западе стереотипам, всем положено пить водку, и потому сорок лет спустя Вовель упоминает эту деталь, чтобы подчеркнуть экзотичность среды, в которой оказался.

Говоря о встрече в Академии наук с А. Л. Нарочницким и Г. С. Кучеренко, с которыми он обсуждал подготовку к юбилею Французской революции, Вовель также отмечает, что уезжал от них с полными руками подарков, включая «прощальную бутылку водки» [Ibid., p. 225].

Трогательно рассказывая о посещении в Институте всеобщей истории В. М. Далина, «маленького, старого, разумеется, усталого, но державшегося с достоинством», Вовель вместе с тем отмечает, что тот пришел на встречу, надев все свои награды [Ibid., p. 224], — штрих довольно экзотичный для французов, особенно левых, избегающих всякой помпы в деловом общении. Любопытно, что если такая, казалось бы, малозначительная деталь прочно засела в его памяти,

то вещь гораздо более важную — основные вехи биографии того самого Далина, к которому Вовель, по его собственным словам, совершил «почти что паломничество» — он излагает с большими неточностями. По словам Вовеля, Далин пятнадцать лет своей жизни — с 1960 по 1975 г. — провел в «депортации», а умер в 1995 г. В действительности советский историк находился в лагерях в 1936–1946 и 1947–1955 гг., а умер в 1985 г. Разумеется, Вовеля в том, что касается даты смерти советского историка, вполне могла подвести память, ведь он писал свои воспоминания уже в преклонном возрасте, хотя, конечно, никто не мешал ему свериться с соответствующими французскими изданиями: Далин был почетным сопредседателем Общества робеспьеристских исследований и некрологи на его кончину были опубликованы и во Франции. Но это в общем-то мелочь. А вот названные Вовелем даты «депортации» Далина выглядят более чем странно: 1960–1975 гг. — это уже не сталинские времена, когда историк мог запросто получить такой срок. И даже если кто-то в хрущевские и брежневские годы бывал осужден за политику, то ему уж точно никто бы не позволил после освобождения проводить официальную встречу с иностранцем. Вовель явно был не в курсе происходившего тогда в СССР, все его знания о котором сводились к стандартной формулировке западной прессы — «сомнительная ситуация с правами человека за железным занавесом». Впрочем, вполне может быть, что все эти нюансы ему были просто безразличны.

Любопытно, как Вовель отзывается об историках, встреченных им в Москве. В целом эти характеристики выдержаны в уважительном тоне и изобилуют комплиментами, однако к каждому портрету он добавляет тот или иной штрих, чуть снижающий для французского читателя общее впечатление, из-за чего всякий раз кажется, что Вовель тем самым тщательно обозначает дистанцию между собой и советскими коллегами.

Так, упоминая о последующем приезде во Францию В. П. Смирнова, который, как мы видели, первым принял Вовеля в Москве, а затем стал для него «наиболее доверенным из контактов», Вовель сообщает: «Он хотел увидеть Марсель, но к нашему огромному изумлению (*à notre stupeur*) предпочел посетить там церковь “Доброй матери” — Нотр-Дам де ла Гард» [Vovelle, 2017, p. 225]. Изумление Вовеля связано с тем, что французам левых взглядов, воспитанным в «республиканской традиции», как правило, присущ воинствующий антиклерикализм, из-за чего чей-либо интерес к религиозным святыням кажется им странной аномалией. Напрашивался вывод: русские — они другие.

Рассказав о встрече в Москве с А. В. Адо, «уставшим и больным», автор воспоминаний затем сообщает, что, возглавляя в дальнейшем Общество робеспьеристских исследований, он, Вовель, сумел организовать перевод и издание во Франции фундаментального труда Адо о роли крестьян во Французской революции. Казалось бы, вот он, прекрасный пример сотрудничества, однако концовка абзаца смазывает впечатление: «Мое предисловие (к книге Адо. — *А. Ч.*) стерпели, но за мои усилия меня не поблагодарили» (*On a toléré ma preface sans reconnaître mes efforts*) [Ibid.]. Претензия тем более странная, что Адо, сдавший

эту работу в печать за несколько месяцев до своей смерти и не доживший до ее выхода в свет, тем не менее успел включить в нее «Предисловие к французскому изданию», где отмечал решающую роль М. Вовеля в организации данной публикации [Ado, p. 7].

Впрочем, если первый визит в СССР оставил у Вовеля противоречивые впечатления, то советские коллеги этого явно не заметили. Они приняли его за своего единомышленника и товарища, каким для них ранее являлся Собуль. Все те симпатии и восхищение, которыми последний ранее у них пользовался, они перенесли на Вовеля. Он теперь был известен советским историкам не только по своим текстам, но и лично. Свидетельством изменившегося к нему отношения стала предпринятая вскоре после этой поездки публикация его обширного исследования «К истории общественного сознания эпохи Великой французской революции», причем в двух последовательных выпусках «Французского ежегодника» [Вовель, 1985; 1986], что практиковалось нечасто.

Однако сдержанность Вовеля в отношении Советского Союза никуда не исчезла. Осуществляя в силу своего статуса координатора юбилейных мероприятий постоянную связь с официальными научными структурами СССР, он, по собственному признанию [Vovelle, 2017, p. 226], фактически передоверил отношения с советскими коллегами своему другу и сподвижнику К. Мазорику.

Между тем, подошла пора Двухсотлетия Революции. Человек уже немолодой, Вовель, тем не менее, в течение 1989 г. почтил своим присутствием более пяти десятков научных конгрессов и коллоквиумов, проводившихся в честь юбилея по всему миру. Не удивительно, что, прибыв на проходившую в Москве 17–19 апреля 1989 г. большую международную конференцию «Французская революция и европейская цивилизация», он выглядел крайне усталым. Да и сама поездка не обещала быть легкой. По сравнению со временем первого визита Вовеля в СССР ситуация здесь радикально изменилась. Перестройка находилась в самом разгаре. Антиреволюционный дискурс получал всё более широкое распространение и в СМИ, и в научных дискуссиях. Разумеется, главным объектом критики была своя, Октябрьская революция, однако и Французская революция активно подвергалась критическому переосмыслению. На смену идеологической и методологической монополии марксизма-ленинизма шел плюрализм мнений.

Зал московского Дома туриста, где проходила юбилейная конференция по Французской революции, был до отказа забит публикой, во многом далекой от собственно исторических исследований, но привлеченной остротой дискуссионной темы. А потому французским историкам-марксистам — с Вовелем в Москву приехали Р. Юар и Г. Лемаршан — пришлось не только вести жесткую полемику с молодыми российскими исследователями, критически настроенными к аксиомам «классической» историографии, но и отвечать на острые, порой откровенно провокационные вопросы из зала. Советские же историки старшего поколения, сами находившиеся в процессе критического пересмотра своих прежних установок, как показал проведенный за год до того «круглый стол» в Институте всеобщей истории [подробнее см.: Чудинов, 2017, гл. 6], не оказали

поддержки французским коллегам. Более того, А. В. Адо, бесспорный тогда лидер советской историографии, доказывая невозможность объяснения Французской революции на основе марксистской теории общественно-экономических формаций, приводил в качестве примера работы именно Вовеля [Адо, с. 9].

Последний, которому в те дни явно нездоровилось, оказался не слишком готов к такому приему. Тем не менее, и Вовель, и его товарищи стойко держались в развернувшихся дебатах. «Мы, — вспоминал он, — отстаивали на заранее подготовленных позициях свои представления о якобинизме и якобинцах, оставив при себе соображения о царившем состоянии распада у принимавшей нас стороны» [Vovelle, 2017, p. 227]. Не удивительно, что этот визит в Москву ему крайне не понравился: «Встречи с советскими [учеными] не оставили у меня приятных воспоминаний», — заключил он в результате [Ibid.].

Любопытно, что его советские коллеги, которые после 1991 г. стали постсоветскими, этого не заметили. Популярность Вовеля среди российских историков ничуть не уменьшилась. Ведь несмотря на происшедшую в нашей историографии идеологическую и методологическую «смену вех» [подробнее см.: Чудинов, 2017, гл. 7], мы продолжали активно сотрудничать с французскими исследователями Революции, придерживавшимися левых взглядов, — С. Абердамом, М. Дориньи, Б. Гэно, К. Мазориком и др. А то, что в этот круг не входил Вовель, мы объясняли себе его слабым здоровьем и тем, что, выполнив титаническую работу по организации научной программы Двухсотлетия, он в 1990-е гг. сложил официальные полномочия практически во всех научных институтах, которые ранее возглавлял.

На самом же деле Вовель крайне болезненно воспринял изменения, произошедшие в России и в нашей историографии Революции. «Оттепель перешла в распутицу», — саркастически заметил он, говоря уже о выступлениях советских коллег на посвященном Революции всемирном конгрессе 1989 г. [Vovelle, 2017, p. 227]. Там, где они искали путь к освобождению науки от идеологических оков, ему виделось предательство тех идеалов, которым он служил со своей юности.

Тем более странной и чужой Вовелю казалась постсоветская Россия. И если он, как мы видели, не особо старался вникать в реальную ситуацию, существовавшую даже в Советском Союзе, то разбираться в том, что происходит в современной России, у него тем более не было ни малейшего желания. А потому он вежливо отклонил все сделанные ему в 1990-е гг., в том числе автором этих строк, приглашения посетить Россию. «Я больше не приезжал в Москву на протяжении пятнадцати лет, — пишет он в мемуарах. — Мне там, конечно же, было нечего делать. Другие способствовали переходу или преобразованию — это уж кому как нравится — в ходе той “смены вех”, которую Александр Чудинов описал в 2002 г.» [Ibid., p. 228–229].

И только приняв в 2006 г. участие в проходившем в Визиле большом франко-российском коллоквиуме, посвященном взаимному историографическому влиянию, Вовель с удивлением обнаружил, что «смена вех» в российской историографии отнюдь не предполагала разрыва с прошлым. Эта встреча, которая,

по его словам, позволила «выявить, что помнится и что забылось» [Vovelle, 2017, p. 229], показала, что историки современной России бережно хранят память о мэтрах советской историографии. Похоже, это для Вовеля оказалось приятным сюрпризом. Настолько, что, всегда очень сдержанный, он после моего выступления о А. З. Манфреде и В. М. Далине подошел и крепко меня обнял.

Возможно, именно благодаря услышанному в Визиле он в том же году согласился, наконец, вновь посетить Москву для участия в коллоквиуме, посвященном 100-летнему юбилею А. З. Манфреда. Это был его третий и последний визит в нашу столицу. И здесь он обнаружил, что, несмотря на глобальные перемены последних десятилетий, дружеское отношение российских коллег к левым французским историкам и лично к нему самому осталось неизменным. «Директор Института всеобщей истории РАН, академик А. О. Чубарьян, — вспоминает Вовель, — приветствовал меня так, будто мы виделись накануне» [Ibid.]. Оказалось, что, несмотря на все геополитические перемены и весьма существенные идеологические расхождения, российские исследователи Французской революции, как и советские тридцатью годами ранее, по-прежнему открыты к сотрудничеству с французскими левыми. В данном отношении ничего не изменилось. «Я просто констатирую, — напишет он в мемуарах о своей последней поездке в Москву, — это возвращение (ностальгическое?) в вернувшееся прошлое» [Ibid.].

Действительно, даже в постсоветские времена в России продолжали изучать Французскую революцию и, в отличие от Восточной Европы, поглощенной волной антикоммунизма, продолжали плодотворно сотрудничать с французскими левыми, в том числе и не в последнюю очередь с Мишелем Вовелем [Таньшина]. В 2007 г. вновь, после долгого перерыва, он стал автором «Французского ежегодника» [Вовель, 2007].

К сожалению, время брало свое, и в последние годы Вовель не слишком много публиковался, работая в основном над мемуарами. В 2018 г. редакция «Французского ежегодника» обратилась к нему с просьбой разрешить публикацию на русском языке той главы его воспоминаний, что была посвящена России и которую я здесь неоднократно цитировал. Увы, вместо ответа к нам пришло печальное известие: Мишель Вовель скончался. Он покинул этот мир, но навсегда остался в нашей памяти и в историографии Французской революции.

Исследования

Адо А. В. О месте Французской революции конца XVIII века в процессе перехода от феодализма к капитализму во Франции // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции (материалы «круглого стола» 19–20 сентября 1988 г.). М. : ИВИ АН СССР, 1989. С. 7–19.

Вовель М. К истории общественного сознания эпохи Великой французской революции // Французский ежегодник 1983. М. : Наука, 1985. С. 130–148.

Вовель М. К истории общественного сознания эпохи Великой французской революции // Французский ежегодник 1984. М. : Наука, 1986. С. 106–124.

Вовель М. Виктор Далин — поклонник Броделя // Французский ежегодник 2007: Советская и французская историографии в зеркальном отражении. 20-е — 80-е годы XX в. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. С. 256–265.

Гордон А. В. Советские историки и «прогрессивные ученые» Запада (история с Ричардом Коббом) // Французский ежегодник 2007: Советская и французская историографии в зеркальном отражении. 20-е — 80-е годы XX в. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. С. 215–255.

Далин В. М. Историки Франции XIX–XX вв. М. : Наука, 1981.

Мазорик К. Мои встречи с советскими историками Французской революции в 1960–1992 гг. // Французский ежегодник 2007: Советская и французская историографии в зеркальном отражении. 20-е — 80-е годы XX в. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. С. 287–298.

Таньшина Н. П. Мишель Вовель (1933–2018). Дон Кихот Французской революции // Французский ежегодник 2019: Эпоха Наполеона и память о ней. 2019. С. 386–398. https://doi.org/10.32608/0235-4349-2019-1-52-386-398

Чудинов А. В. История Французской революции: пути познания. М. : Политическая энциклопедия, 2017.

Чудинов А. В. Жизнь и революция. Интервью с Клодом Мазориком // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. 2018. С. 396–424. https://doi.org/10.32608/0235-4349-2018-1-51-396-424

Ado A. Paysans en Révolution. Terre, pouvoir et jacquerie 1789–1794. Paris : Société des Études Robespierristes, 1996.

Vovelle M. Religion et Révolution: la déchristianisation de l'An II. Paris : Hachette, 1976.

Vovelle M. La bataille du Bicentenaire de la Révolution française. Paris : La Découverte, 2017.

Vovelle M. Mémoires vives ou perdues. Essai sur l'Histoire et le souvenir. Paris : Les Éditions de Paris, 2018.

References

Ado, A. V. (1989). O meste Frantsuzskoi revoliutsii kontsa XVIII veka v protsesse perekhoda ot feodalizma k kapitalizmu vo Frantsii [On the Place of the French Revolution of the Late 18th Century in the Process of Transition from Feudalism to Capitalism in France]. In *Aktual'nye problemy izucheniia istorii Velikoi frantsuzskoi revoliutsii (materialy "kruglogo stola" 19–20 sentiabria 1988 g.)* [Relevant Issues of Studying the History of the Great French Revolution (Materials of the "Round Table" on September 19–20, 1988)] (pp. 7–19). Moscow: IVI AN SSSR.

Ado, A. (1996). *Paysans en Révolution. Terre, pouvoir et jacquerie 1789–1794*. Paris: Société des tudes Robespierristes.

Dalin, V. M. (1981). *Istoriki Frantsii XIX–XX vv.* [Historians of France in the 19th–20th Centuries]. Moscow: Nauka.

Gordon, A. V. (2007). Sovetskie istoriki i "progressivnye uchenye" Zapada (istoriia s Richardom Kobbom) [Soviet Historians and Western "Progressive" Researchers (The Story of Richard Cobb)]. In *Frantsuzskii ezhegodnik* 2007: *Sovetskaia i frantsuzskaia istoriografii v zerkal'nom otrazhenii. 20-e — 80-e gody XX v.* [The Annual of French Studies, 2007: Soviet and French Historiographies Reflected: The 1920s–1980s] (pp. 215–255). Moscow: LKI.

Mazauric, Cl. (2007). Moi vstrechi s sovetskimi istorikami Frantsuzskoi revoliutsii v 1960–1992 gg. [My Encounters with Soviet Historians of the French Revolution in 1960–1992]. In *Frantsuzskii ezhegodnik* 2007: *Sovetskaia i frantsuzskaia istoriografii v zerkal'nom otrazhenii. 20-e — 80-e gody XX v.* [The Annual of French Studies, 2007: Soviet and French Historiographies Reflected: The 1920s–1980s] (pp. 287–298). Moscow: LKI.

Tanshina, N. P. (2019). Mishel' Vovel' (1933–2018). Don Kikhot Frantsuzskoi revoliutsii [Michel Vovelle (1933–2018): Don Quixote of the French Revolution]. *Frantsuzskii ezhegodnik, 52*, 386–398. https://doi.org/10.32608/0235-4349-2019-1-52-386-398

Tchoudinov, A. V. (2017). *Istoriia Frantsuzskoi revoliutsii: puti poznaniia* [The History of the French Revolution: Ways of Cognition]. Moscow: ROSSPEN.

Tchoudinov, A. V. (2018). Zhizn' i revoliutsiia. Interv'iu s Klodom Mazorikom [The Life and Revolution. Interview with Claude Mazauric]. *Frantsuzskii ezhegodnik*, *51*, 396–424. https://doi.org/10.32608/0235-4349-2018-1-51-396-424

Vovelle, M. (1976). *Religion et Révolution : la déchristianisation de l'An II*. Paris: Hachette.

Vovelle, M. (1985). K istorii obshchestvennogo soznaniia epokhi Velikoi frantsuzskoi revoliutsii [On the History of Public Consciousness of the Epoch of the Great French Revolution]. In *Frantsuzskii ezhegodnik 1983* [Annual of French Studies 1983] (pp. 130–148). Moscow: Nauka.

Vovelle, M. (1986). K istorii obshchestvennogo soznaniia epokhi Velikoi frantsuzskoi revoliutsii [On the History of Public Consciousness of the Epoch of the Great French Revolution]. In *Frantsuzskii ezhegodnik 1984* [Annual of French Studies 1984] (pp. 106–124). Moscow: Nauka.

Vovelle, M. (2007). Viktor Dalin — poklonnik Brodelia [Viktor Dalin, an Admirer of Braudel]. In *Frantsuzskii ezhegodnik* 2007: *Sovetskaia i frantsuzskaia istoriografii v zerkal'nom otrazhenii. 20-e — 80-e gody XX v.* [The Annual of French Studies, 2007: Soviet and French Historiographies Reflected: The 1920s–1980s] (pp. 256–265). Moscow: LKI.

Vovelle, M. (2017). *La bataille du Bicentenaire de la Révolution française*. Paris: La Découverte.

Vovelle, M. (2018). *Mémoires vives ou perdues. Essai sur l'Histoire et le souvenir*. Paris: Les Éditions de Paris.

Чудинов Александр Викторович
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр., 32а
E-mail: tchoudin@mail.ru

Tchoudinov, Alexander Victorovich
Dr. Hab. (History), Chief Researcher
Institute of World History of the RAS
32a, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia
Email: tchoudin@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-2522-453X
Scopus AuthorID: 26034936800